

Развитие системы уральских сонорных в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках

О. Е. Поляков

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
kafmoksha2012@rambler.ru*

Н. В. Леткина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
letkinanv@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается развитие системы уральских сонорных согласных в общемордовском, в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках и их диалектах. Также даются сведения об употреблении группы этих согласных в современных мокшанских и эрзянских словоформах. Учитывая мнения других ведущих финно-угроведов, авторы статьи высказывают своё мнение о появлении глухих сонорных *R, R', L, L', J*, употребляющихся в современном мокшанском языке наряду с сонорными *r, r', l, l', j*. Описывается особенное развитие уральского *ŋ* в общемордовском, мокшанском и эрзянском языках.

Цель: дать полную картину развития древних уральских сонорных в общемордовском, мокшанском и эрзянском языках.

Материалы исследования: материалом исследования послужила древняя система сонорных согласных в прауральском языке (данные, представленные в работах П. Саммалаhti, Z. Keresztes, Л. П. Грузова, а также в различных словарях), и сонорные согласные в общемордовском языке, в современных мокшанском и эрзянском языках.

Результаты и научная новизна: авторы статьи рассматривают различные точки зрения известных финно-угроведов (Б. Коллиндера, Л. Пости, П. Хайду, П. Саммалаhti) о наличии системы сонорных в уральском праязыке, исследуется их развитие в общемордовском, мокшанском и эрзянском языке. Особое внимание уделяется возникновению «глухих сонорных» в мокшанском языке, а также употреблению носового *ŋ* в мордовских литературных языках и их диалектах.

Данное исследование можно использовать в процессе преподавания дисциплины «Историческая грамматика мордовских языков».

Научная новизна исследования заключается в том, что развитие системы сонорных уральского языка-основы в мордовских языках рассматривается впервые.

Ключевые слова: мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, диалекты, общемордовский язык, сонорный согласный, заднеязычный согласный.

Для цитирования: Поляков О. Е., Леткина Н. В. Развитие системы уральских сонорных в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 526–533.

Development of the Ural sonorous system in the Mordovian (Moksha and Erzya) languages

O. E. Polyakov

*N. P. Ogarev's Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
kafmoksha2012@rambler.ru*

N. V. Letkina

*N. P. Ogarev's Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
letkinanv@mail.ru*

Abstract

Introduction: the article considers the development of the Uralic sonorous consonants in the common Mordovian, modern Mordovian (Moksha and Erzya) languages and their dialects. Information about the use of a group of these consonants in modern Moksha and Erzya word forms is also considered. Taking into account the research of the leading Finno-Ugric experts, the authors of the article express their opinion on the appearance of deaf sonorous consonants **R, R', L, L', J** used in the modern Moksha language along with the sonorous consonants **r, r', l, l', j**. The specific development of the Ural **ŋ** in the common Mordovian, Moksha and Erzya languages is described.

Objective: to give a complete picture of the development of the ancient Ural sonorous consonants in the common Mordovian, Moksha and Erzya languages.

Research materials: ancient system of sonorous consonants in the proto-Uralic language (data presented in the works of P. Sammallahti, Z. Keresztes, L. P. Gruzov, as well as in various dictionaries), and sonorous consonants in the common Mordovian, Moksha, and Erzya languages.

Results and novelty of the research: the authors consider various points of view of well-known Finno-Ugric scholars (B. Collinder, L. Posti, P. Haidu, P. Sammalahiti) about the presence of the system of sonorous in the proto-Uralic language; their development in the common Mordovian, Moksha and Erzya languages is studied. Particular attention is paid to the emergence of «deaf sonorous» consonants in the Moksha language, as well as the use of nasal **ŋ** in the Mordovian literary languages and their dialects.

The study can be used for teaching the discipline «Historical grammar of Mordovian languages».

The scientific novelty of the research is that the development of the system of sonorous consonants of the proto-Uralic language in the Mordovian languages is studied for the first time.

Key words: Mordovian (Moksha and Erzya) languages, dialects, common Mordovian language, sonorous consonant, velar.

For citation: Polyakov O. E., Letkina N. V. Development of the Ural sonorous system in the Mordovian (Moksha and Erzya) languages // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (3): 526–533.

Введение

По мнению финно-угроведов (К. Е. Майтинская, Б. А. Серебренников, П. Хайду, Л. П. Грузов, В. Collinder, P. Sammalahiti, O. Donner) уральский праязык существовал до VI тысячелетия до н.э. Известные исследователи уральских языков для уральского праязыка реконструировали следующие системы сонорных согласных: **m, n, n', ŋ, l, l', r, j** [16, 416]; **m, n, ŋ, l, l', r, j** [22, 91], **m, n, n', ŋ, l, l', r, j** [17, 51]; **m, n, n', ŋ, l, l', r, j** [21, 44]. По мнению П. Саммаллахти в уральском праязыке слова не начинались с **r** и **n**. В финно-угорском языке-основе сонорный **r** в начале слова был, но встречался редко [21, 44].

Прауральские сонорные согласные в мордовских языках и диалектах представлены неодинаково: некоторые из них сохранили своё качество, другие подверглись изменениям.

В настоящее время в мордовских языках и их диалектах употребляются следующие группы сонорных: **m, n, n', l, l', r, r', j** (в эрзянском

литературном языке); **m, n, n', l, l', L, L', r, r', R, R', j, J** (в мокшанском литературном языке); в приалатырском диалекте эрзянского языка как самостоятельная фонема употребляется **ŋ**: *vireŋ* 'в лес', *loŋso* 'в снегу', *kežeŋ* 'злой' – эрз. лит.: *vir'ev, lovso, kežev* [6, 18–19].

В дракинском диалекте эрзянского языка, как и в мокшанском литературном языке употребляются «глухие» сонорные: *kaLt* 'рыбы', *kaR't* 'лапти', *kuJt* 'змеи', *s't'iR't* 'девушки' – эрз. лит. *kalt, kar't, kujt, t'ejt'er't*. В речи носителей данного диалекта **z** в сочетании с **s** (**z+s**) заменяется сонорным согласным **j**: *krandajsa* 'в телеге', *krandajsa* 'в телеге', *kardajsa* 'в хлеве' – эрз. лит.: *kardozso* [14, 217].

Следует отметить, что «глухие» сонорные согласные отмечены и в теньгушевском диалекте эрзянского языка: *saRt* 'кости', *kaR't* 'лапти', *kaLt* 'рыбы', *kaL't* 'ивы', *iJt* 'льды' – эрз. лит. *sardt, kar't, kalt, kal't, ejt* [7, 18–19]; сабаевской группе присурских говоров: *vaLt* 'слова', *suRt* 'пальцы' [11, 386]; в речи носителей наскафтымского диалекта: *suRt* 'пальцы',

uzeR'it 'топоры', *kaLt* 'рыбы', *embeL'it* 'скобели' [1, 70–71].

А. А. Шахматов отмечал глухие сонорные в эрзянских сёлах Саратовского уезда Сухой Карбулак и Оркино: *skalt* 'коровы', *kaR'ime* 'лапти эти', *oRta* 'ворота', *il'apeL'it* 'не бойся', *tataRn'ä* 'эти татары' и т. д. [13, 748].

Произношение глухих **L, L', R, R', J** является одним из отличительных признаков сабаевской группы эрзянских говоров [11, 386]. В этих говорах глухие сонорные могут быть перед показателем множественного числа: глухой **L'** кроме того встречается в формах согласительного наклонения: *mol'äl'it'bu* 'пошли бы', *ur'vakstäl'it'bu* 'поженились бы'.

Носители городищенского диалекта мокшанского языка на месте литературного **J** произносят **h** или **ǰ**: *jutaht' / jtaj't* 'идут', *muht' / muj't* 'найдут' – мокш. лит. *jotaJt', muJt'* [4, 329].

Как самостоятельная фонема, заднеязычный носовой **ŋ** встречается в говорах нижнепьянского диалекта: *eŋ* 'след', *čöŋ* 'пена', *loŋ* 'снег' [8, 3–175].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужило развитие предполагаемой системы сонорных согласных (Б. Коллиндер, П. Хайду) *m, n, n', ŋ, l, l', r, j* в общемордовском, мокшанском и эрзянском языках и их диалектах. В статье выявляются причины возникновения «глухих сонорных» в мокшанском языке и в некоторых эрзянских диалектах, а также причины различного происхождения заднеязычного носового **ŋ**.

В ходе работы, конечно же, применён один из основных лингвистических методов – описательный. Посредством сравнительно-типологического метода нами обнаружены сходство и различия системы сонорных согласных в мокшанском и эрзянском языках и в их диалектах.

Результаты

Как в мокшанском, так и в эрзянском языках широко употребляются сонорные носовые **m, n, n'**: *maz / mazij* 'красивый', *kolma / kolmo* 'три', *jam* 'каша', 'суп', *načka / načko* 'мокрый', *kandäms / kandoms* 'нести', *n'ur'kän'ä / n'ur'ka* 'короткий', *pan'äms / pan'ems* 'выгнать', *sapən' / sapun'* 'мыло'. Эти сонорные употребляются и в слово-, и формообразующих аффиксах

существительных: *naLks'ä-ma/nalks'e-ma* 'игра', *l'äj-n'ä / l'ej-n'e* 'речка'; прилагательных: *akša-na / aša-na* 'беловатый' и т. д.

Неограниченно в мордовских языках употребляются дрожащие сонорные **г** и **г'**, и могут быть в любом положении в слове: *rdaz / rudaz* 'грязь', *para / paro* 'хороший', *r'iznams / r'izn'ems* 'печалиться', *ker'äms / ker'ams* 'отрезать', *pur / por* 'мел', *ker* 'кора'.

Употребление боковых сонорных **l** и **l'** в мордовских языках относительно ограничено, например, **l** не может быть в начале слова перед гласными переднего ряда, как **l**, так и **l'** не отмечены в этой позиции в сочетании с согласными. В исходе слова непалатализованный **l** не может быть перед гласными переднего ряда.

В середине слова **l** и **l'** встречаются чаще в сочетании с согласными **d, d', g**: *valda / valdo* 'светлый', *s'algäms / s'algoms* 'кольнуть', *päl'd'äms / päl'd'ems* 'сучить' [10, 107–115].

Большой интерес у исследователей мордовских языков, в частности С. З. Деваева, А. П. Феоктистова, Д. В. Цыганкина, О. Е. Полякова, вызывает образование и употребление в мокшанском языке и диалектах, в некоторых эрзянских диалектах «глухих» сонорных **L, L', R, R', J**, которые фонологически противопоставлены звонким **l, l', r, r', j**.

Глухие **L, L', R, R', J** выступают только в инлауте и в этой позиции могут быть 1) перед показателем множественного числа **t (t')** в формах имён и глаголов: *kaLt* 'рыбы', *kaL'it* 'ивы', *viR'it* 'леса', *maRt* 'бугры', *peJt* 'зубы', *moliJt* 'идут', *mol'eL'it'bu* 'пошли бы'; перед показателем 2 л. **t'** в формах объектного спряжения: *nä'Jt'äo* 'я тебя вижу', *keR't'ä* 'я тебя срублю', *käl't'ä* 'я тебя перейду'; перед суффиксом **t'** императива: *uJt* 'плыви', *käl't'* 'иди вброд'; перед каузативным глагольным суффиксом **t**: *päl'tat* 'сжигаешь', *käRtat* 'палишь'; перед корневым **t**: *käRtapa* 'нагой', *uRta* 'стадо'; 2) перед глухим заднеязычным **k**: *puL'käms*, 'возиться', *käRka* 'глубокий', *puR'kä* 'морковь', *veJksa* 'девять'; 3) перед свистящими аффрикатами **c, c'**: *kaR'c'äms* 'расходовать', *kuR'c'ä* 'кормысло', *noRcad'äms* 'дёрнуть', *kulcändäms* 'слушать', *kaL'c'ijäms* 'скрежетать'; 4) перед палатализованной шипящей аффрикатой **č'**, а в северо-западном и юго-западном подгруппах западного диалекта – и перед **č** (глухие **R, L'**): *kaRčt* 'хворост', *väRčad'ms* 'ударить наотмашь', *käl'čän'ä* 'крещение', *kaRčäms*

‘переплетать’; 5) перед сонорным *n* в падежных формах множественного числа определённого склонения: *maR'n'ä* ‘яблоки эти’ (ном.), *kaL'n'an* ‘ив этих’ (ген.), *kaLnän* ‘рыб этих’ (ген.), *peJn'an'd'I* ‘к зубам этим’ (дат.), *maR'n'an'd'I* ‘к яблокам этим’ (дат.); 6) перед сонорным *m* (глухие *R, R'*): *vaR'mädäma* ‘рассвет’, *kaRmad'äms* ‘кольнуть’.

В мокшанских говорах юго-восточного диалекта перед признаком множественного числа *t* (*t'*) в именах и глаголах, а также в падежных формах определённого склонения перед *n'* (лит. *J*) употребляется смягчённый шипящий *š'*: *kuš't* ‘змеи’, *saš't* ‘придут’, *moraš't* ‘поют’, *peš't* ‘зубы’, *udiš'n'ä* ‘спящие’, *peš'n'e* ‘зубы эти’, *kuš'n'an* ‘змеи этих’, *moraš'nän'd'i* ‘к поющим этим’, мокш. лит. *kuJt'*, *saJt'*, *moraJt'*, *peJt'*, *udiJn'ä* ‘спящие’, *peJn'e* ‘зубы эти’, *kuJn'an* ‘змеи этих’, *moranjän'd'i*.

Носители городищенского диалекта в этой позиции, как уже отмечали, на месте глухого *J* произносят *j'*: *juta j't* ‘идут’, *ufaj't* ‘дуют’, а также *x guxt'* ‘змеи’ – мокш. лит. *jotJt'*, *ufaJt'*, *kuJt'*.

Проблемы возникновения «глухих» сонорных рассматривались в работах известных финно-угроведов, например, Х. Паасонена: «...они оглушаются перед *t, c, č, k*: *kal* «*fisch*», plur. *ka't*, *vir* «*wald*», plur. *Vir^{rt}*» [19, 51], Д. В. Бубриха: данные согласные возникли «...в силу действия следующей закономерности: все звонкие согласные в положении перед глухими мгновенными и аффрикатами, т. е. *к, т, ть, ц, ць, ч* оглушаются» [3, 180]. А. Алквист считал, что в мокшанских существительных, которые оканчиваются на *i, l, r*, перед аффиксом множественного числа *t* вставляется *h*: *il'i* ‘прут’ – *il'ih't*, *kar'* ‘лапоть’ – *kar'ht*, *val* ‘слово’ – *valht* [15, 10].

Мы согласны с мнением названных финно-угроведов, что «глухие» сонорные появились перед глухими согласными и предполагаем, что оглушение звонких сонорных происходило следующим образом. В определённый период развития мокшанского языка в формах генитива определённого склонения единственного числа перед *t* выпали гласные, в результате чего эти формы совпали с формами множественного числа неопределённого склонения. Так в результате выпадения гласного в слове **kar'et* образовались: *kar't* ‘лаптя этого’ (ген.) – *kar't* ‘лапти’ (ном. мн. ч.), в результате изменения *viret* соответственно: *vir't* ‘леса

этого’ (ген.) – *vir't* ‘леса’ (ном. мн. ч.), т. е. формы генитива ед. числа определённого склонения перестали отличаться от форм номинатива неопределённого склонения. После выпадения гласных перед *t* с формами 3 лица множественного числа настоящего времени совпали формы прошедшего времени: **kundajt* ‘они ловят’, **morajt* ‘они поют’, совр. *kundajt* ‘ты их поймал’ – *kundaJt* ‘они ловят’, *morajt* ‘ты их спел’ – *moraJt* ‘они поют’. Эти факты говорят о том, что в мокшанском языке, наряду с фонетической, появилась и другая причина – морфологическая, которая дала толчок к началу развития процесса оглушения; в результате образовавшиеся *L, L', R, R', J* (как бы в качестве компенсации потери гласных) стали глухими коррелятами звонким *l, l', r, r', j*. То есть переход звонких сонорных в глухие не был явлением фронтальным, а носил в основном функциональный характер, иначе говоря, служил для различения форм слов.

Точное время начала процесса оглушения сонорных установить довольно трудно. В этом вопросе мы имеем два ясных момента: 1) в раннем мокшанском языке глухих *L, L', R, R', J* не было; 2) эти глухие сонорные появились не раньше выпадения гласных перед показателем генитива. Глухие *L, L', R, R', J*, употребляющиеся в современных формах множественного числа определённого склонения перед суффиксом *-n'ä*, оказались таковыми в результате выпадения глухого *t*: *kaL'n'ä* ‘ивы эти’ (ном.) < **kaLtn'ä* < **kaltn'ä*, *peJn'an* ‘зубов этих’ (ген.) < **peJtn'an* < *pejtn'an*, *kaR'n'an'd'i* ‘к лаптям этим’ (дат.) < *kaR't'n'an'd'i* < **kar't'n'an'd'i*. Следует отметить, что в фонетической системе общемордовского языка «глухих» сонорных не было. «Глухие» сонорные, появившиеся перед глухим *t* (*t'*), стали употребляться и перед другими согласными.

В эрзянском языке не было условий для оглушения звонких сонорных: формы генитива единственного числа определённого склонения отличались и отличаются от форм номинатива множественного числа неопределённого склонения: *vir'ent* ‘этого леса’ (ген.) – *vir't* ‘леса’ (ном.), *kal'ent* ‘этой ивы’ *kal't* ‘ивы’ (ном.). А в некоторых эрзянских диалектах и говорах «глухие» сонорные появились под влиянием мокшанского языка.

Таким образом, оглушение звонких сонорных *l, l', r, r', j* началось в то время, когда в

определённый период развития мокшанского языка в формах генитива перед *t* выпали гласные. Появившиеся *L, L', R, R', J* стали глухими коррелятами звонким *l, l', r, r', j*, т. е. различителями форм слов. Позже сфера употребления глухих сонорных расширяется: они начинают употребляться не только перед показателем множественного числа *t (t')*, но и в пределах корня и даже перед другими глухими консонантами.

Оглушение среднеязычного **j* перед *t (t')* в разных мокшанских диалектах и говорах шло разными путями: а) **j > J(j^x)*; б) **j > *j^s > š; в) *j > *(j^s) > s'*; г) **j > *j (j^x) > x*.

Довольно интересное развитие в мордовских языках (в мокшанском и эрзянском) языках получил прауральский заднеязычный носовой согласный **ŋ*. У древнего уральского сонорного **ŋ* очень широкий словообразовательный потенциал на почве мордовских языков. Так, например, в некоторых словах, где этот согласный в древности стоял перед *k* сохранился как вариант **ŋ*: мокш. *tongams*, эрз. *tongom* < **tuŋkə* 'сунуть' [9, 419]; мокш. *paŋga*, эрз. *paŋgo* 'гриб', марийск. *poŋgo* 'гриб', манс. *poŋk* 'губка'.

Исследователи мордовских языков Х. Паасонен [19], Э. Синнеи [22], Б. Коллиндер [16], Д. Бубрих [2] и др. отмечали, что в мордовских языках **ŋ* либо выпал, как например, в словах: морд. *pe* 'конец' < **pāŋä* [20, 30; 5, 224]; мокш. *loks t'i*, эрз. *loks'ej* 'лебедь' < **joŋks* [9, 116]; эрз. *ŋi* 'жена' < **niŋä* [9, 401]; либо перешёл в *v* или *j*: мокш. *suvams*, эрз. *sovams* < **soŋe* [16, 266]; морд. *pej* 'зуб' < **piŋe* [20, 30; 5, 222]; мокш. *šejər*, эрз. *šejer* 'мышь' < **siŋere* [19, 303; 5, 326].

Иногда в мокшанском и эрзянском языках древний **ŋ* представлен мягким или твёрдым сонорными *n'* и *n* мокш. *in'əz'i* – эрз. *in'z'ij* 'малина' < **ŋŋce* [5, 211]; мокш. *iŋks / in'c'ks* – эрз. *inks* 'скобель' (ср. удм. *ожон* 'долото', коми *ожын* 'долото', манс. *jinsa* – 'заниматься кройкой' < **ŋŋč3* [5, 210]; мокш. *joŋks / jonks* 'лук', эрз. *jonks* 'лук' (ср. мар. *ёнгеж*, манс. *jowt*, венг. *ij* 'лук') [9, 408].

Древний заднеязычный сонант в мокшанских и эрзянских диалектах может быть представлен чередованием *ŋ – v – j* мокш. *äj / jāj*, эрз. *ej / ev / eŋ* 'лёд' < **jaŋe* [20, 30; 5, 220; 9, 413].

Кроме того финно-угорский **ŋ* в мокшанском и эрзянском языках может быть представ-

лен: альтерацией **ŋ / n' / v / m*: мокш. *avs'əta* – *aŋs'əta* «прорубь» < **aŋa* «прорубь» [16, 126; 5, 205; 9, 419]; междиалектным чередованием *ŋ / v / l / j*: мокш. *ovkst* – *olkst*, эрз. *oŋks t'* – *ojkst* 'удила' < **ŋŋz* [5, 62]; альтерацией *v / p* мокш. *šorača*, эрз. *šorača, čorača* 'призрак', 'привидение', *čuv* 'дух человека' < **šunje* [16, 127; 5, 322].

В некоторых диалектах эрзянского языка, а также в литературном эрзянском языке заднеязычному *ŋ* соответствует согласный *v* (после гласных заднего ряда: *kov* 'луна', *čov* 'пена', *lov* 'снег'), *j* (после гласных переднего ряда: *pej* 'зуб', *sed'ej* 'сердце').

Данные мокшанского и эрзянского языков свидетельствуют о том, что заднеязычный носовой согласный широко употреблялся в фонетической системе общемордовского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что в приалатырском диалекте *ŋ* настоящее время выступает как самостоятельная фонема: 1) в составе корня (*peŋ* 'зуб', *eŋ* 'лёд'); 2) как суффикс прилагательных (*seŋ'eŋ* 'высокий', *salon* 'солёный'); 3) как суффикс латива (*kudoŋ* 'домой'); 4) как суффикс дробных числительных (*vet'eŋ* 'на пять частей').

Мы считаем, что, на ранней стадии общемордовского языка возник суффиксальный *ŋ* в лативных образованиях со значением «куда?» (*kudoŋ* 'домой' мокш. лит. *kudu*, эрз. лит. *kudov*; *paks'aŋ* 'в поле' – мокш. лит. *paks'av*, эрз. лит. *paks'av*). Данный суффикс, возможно, образовался как результат синтеза *n*-ового и *k*-ового латива.

Заднеязычный носовой согласный *ŋ* имеет разную историю в мордовских языках. Во-первых, мы имеем дело с *ŋ*, который в составе корня восходит к древнему **ŋ* (*paŋgo* 'гриб', *peŋ* 'зуб', *koŋ* 'луна'). Во-вторых, *ŋ* является позиционным вариантом *n* в положении перед заднеязычными согласными *k* и *g* (*songa* 'и он': *son* 'он' += *ga* «суффикс», диалектные формы: *morataŋk* 'поём', *kudoŋk* 'ваш дом', *kajasink* 'мы их выльём'). В-третьих, *ŋ* играет роль суффикса (*sepe=ŋ* 'горький', *paks'a=ŋ* 'в поле', *kudo=ŋ* 'в дом').

В настоящее время в диалектах эрзянского языка наблюдается тенденция к постепенному исчезновению заднеязычного носового *ŋ*. Уже наблюдаем параллельное употребление таких форм, как *turtoŋ* и *turtov* 'для, ради', *pr'eŋ* и *pr'ev* 'разум', *alon* и *alu* 'внизу' [6, 19].

Исчезновение *ŋ*, видимо, объясняется всё большим распространением литературных норм. Кроме того, у мордвы не было, и нет специального знака для обозначения заднеязычного носового согласного. В мокшанском и эрзянском языках этот согласный обозначался и обозначается как сочетание *n* и *g*: *ranga / pango, e'engä / lenge* 'лыко', поэтому мокшане и эрзяне начали произносить *ŋ* как сочетание согласных *ng*. Такое положение вещей подтверждают и экспериментальные материалы.

До настоящего времени особый интерес у исследователей вызывает появление в мокшанском языке «глухих» сонорных и употребление заднеязычного носового *ŋ*. Материал о словообразовательных потенциях прафинно-угорского суффикса *ŋ* в мордовских, хантыйском и мансийском языках представил в своей работе Д. В. Цыганкин [12, 34–39].

Приведённый в статье материал свидетельствует о том, что развитие уральской системы сонорных согласных дало различные результаты в развитии близкородственных (мокшанском и эрзянском) языков: в мокшанском языке появились глухие сонорные *L, L', R, R', J*; в эрзянских диалектах сохранился древний заднеязычный *ŋ*.

Обсуждение и заключение

Итак, изложенный нами в статье материал указывает на то, что в общем языке мокши и эрзи употреблялись следующие сонорные: *m, n, n', ŋ, l, l', r, r'*. Особенно широко в фонетической системе общемордовского языка употреблялся заднеязычный носовой *ŋ*.

В древнем языке мокшан и эрзян не употреблялись глухие сонорные *R, R', L, L', J*. В мокшанском языке они появились в формах генетива, когда перед глухим *t* выпали гласные. Позже они начинают употребляться и перед другими глухими согласными и даже перед суффиксом множественного числа определённого склонения *-n'ä*: *kaz'n'ä* 'эти ивы', *kar'n'ä* 'эти лапти' и т. д.

В настоящее время наблюдается тенденция к исчезновению *ŋ*. В некоторых диалектах встречаем параллельные формы: *pr'ej* и *pr'ev* 'разум'.

Нами выявлено, что заднеязычный *ŋ* в мордовских языках имеет разную историю: а) в составе корня в целом ряде случаев восходит к древнему *ŋ*: *paŋgo* 'гриб', *peŋ* 'зуб' и т. д.; б) *ŋ* является позиционным вариантом *n*: *soŋa* 'и он' < *son* 'он' + -да и т. д.; в) *ŋ* играет роль суффикса: *sepe-ŋ* 'горький'; *paks'a-ŋ* 'в поле' и т. д.

Список источников и литературы

1. Бибин М. Т. Говоры насафтымской мордвы // Учёные записки мордовского госуниверситета. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1964. № 43. С. 19–159.
2. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
3. Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1969. 211 с.
4. Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк) // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. IV. С. 289–329.
5. Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми-языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
6. Марков Ф. П. Пралатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1961. Т. I. С. 7–100.
7. Миронов Т. Теньгушевский (мокша) диалект как результат скрещения. Саранск: Мордгиз, 1936. 112 с.
8. Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. V. С. 3–199.
9. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 481 с.
10. Современные мордовские языки / под общ. ред. Л. В. Бондарко, О. Е. Полякова. Фонетика. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 208 с.
11. Цыганкин Д. В. Опыт классификации эрзянских говоров Мордовского Присурья // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. V. С. 383–395.
12. Цыганкин Д. В. Словообразовательный потенциал прафинно-угорского словообразовательного суффикса *ŋ*: на материале мордовских, хантыйского и мансийского языков // Финно-угорский мир. 2013. № 4. С. 34–39

13. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 848 с.
14. Якушкин А. В. Дракинский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. V. С. 197–294 с.
15. Ahlgvist A. Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Tehten und Wörterzeichniss. German: Nabu Press, 2012. 242 p.
16. Collinder, B. Comparatiive Gramma of the the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 416 p.
17. Hajdu P. Bevezetes az urali nyelvudományba. Budapest: Tankönyvkiado, 1966. 179 p.
18. Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den Permischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki: Redaktion der Zeitschrift, 1954. XXXI, Heft 3. Pp. 149–345.
19. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1903. 123 p.
20. Posti L. From Pre-Finnic to late Proto-Finnic // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki: Redaktion der Zeitschrift, 1953. XXXI. Pp. 91–97.
21. Sammallahki, P. Über die Laut und Morphemstruktur der Uralischen grundsprache zeitschrift // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki: Redaktion der Zeitschrift, 1979. XLIII. Heft 1-3. Pp. 44–49.
22. Szinnyi I. Magyar nyelvhaszn. Budapest: Kókai Lajos, 1927. 164 p.

References

1. Bibin M. T. *Govory naskaftymskoj mordvy* [Subdialects of the Naskaftym Mordovians]. *Uchenye zapiski mordovskogo gosuniversiteta* [Scientific notes of the Mordovia State University], 1964, no. 43, pp. 19–159. (In Russian)
2. Bubrikh D. V. *Istoricheskaja grammatika jertzjanskogo jazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 272 p. (In Russian)
3. Gruzov L. P. *Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language. Introduction and phonetics]. Yoshkar-Ola: Mariskij NII Publ., 1969. 211 p. (In Russian)
4. Lomakina T. I. *Gorodishhenskij dialekt moksha-mordovskogo jazyka (kratkij foneticheskij ocherk)* [The Gorodishche dialect of the Moksha-Mordovian language (short phonetic essay)]. *Očerki mordovskikh dialektov: in 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1966. Vol. IV. pp. 289–329. (In Russian)
5. Lytkin V. I., Gulyaev E. I. *Kratkij jetimologičeskij slovar' komi-jazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. (In Russian)
6. Markov F. P. *Pralatyrskij dialekt jertzja-mordovskogo jazyka* [The Pralatyrs dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Očerki mordovskikh dialektov: in 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. I. pp. 7–100. (In Russian)
7. Mironov T. *Ten'gushevskij (moksha) dialekt kak rezul'tat skreshhenija* [The Tengushevo (Moksha) dialect as the result of crossing]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1936. 112 p. (In Russian)
8. Nadkin D. T. *Morfologija nizhnep'janskogo dialekta* [Morphology of the Nizhnepjansk dialect]. *Očerki mordovskikh dialektov: in 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. V. pp. 3–199. (In Russian)
9. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija. Voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 481 p. (In Russian)
10. Bondarko L. V., Polyakov O. E. *Sovremennye mordovskie jazyki. Fonetika* [The Modern Mordovian languages. Phonetics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
11. Tsygankin D. V. *Opyt klassifikacii jertzjanskikh govorov Mordovskogo Prisur'ja* [Experience of classification of the Erzya dialects of the Mordovian Prisurye]. *Očerki mordovskikh dialektov: in 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. V. pp. 383–395. (In Russian)
12. Tsygankin D. V. *Slovoobrazovatel'nyj potencial prafinno-ugorskogo slovoobrazovatel'nogo suffiksa η: na materiale mordovskikh, hantyskogo i mansijskogo jazykov* [The word-forming potential of the Proto-Finno-Ugric word-formation suffix η: on the material of the Mordovian, Khanty and Mansi languages]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 43, pp. 34–39. (In Russian)
13. Shakhmatov A. A. *Mordovskij jetnograficheskij sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. Saint-Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1910. 848 p. (In Russian)

14. Yakushkin A. V. *Drakinskij dialekt jertzja-mordovskogo jazyka* [The Drakino dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskikh dialektov: in 5 t.* [Essays of the Mordovian dialects: in 5 vol.]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. V. pp. 197–294. (In Russian)
15. Ahlgvist A. *Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Tehten und Wörterzeihniss.* German: Nabu Press, 2012. 242 p. (In German)
16. Collinder B. *Comparatiive Gramma of the Uralic Languages.* Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 416 p. (In English)
17. Hajdu P. *Bevezetes az urali nyelvodományba.* Budapest: Tankönyvkiado, 1966. 179 p. (In Hungarian)
18. Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den Permischen Sprachen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1954, no. XXXI (3), pp. 149–345. (In German)
19. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre.* Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1903. 123 p. (In German)
20. Posti L. From Pre-Finnic to late Proto-Finnic. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1953, no. XXXI, pp. 91–97. (In English)
21. Sammallahti P. Über die Laut und Morphemstructur der Uralischen grundsprache zeitschrift. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1979, no. XLIII (1–3), pp. 44–49. (In German)
22. Szinnyei I. *Magyar nyelvhasznalás.* Budapest: Kókai Lajos, 1927. 164 p. (In Hungarian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поляков Осип Егорович, профессор кафедры мордовских языков, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор филологических наук.
kafmoksha2012@rambler.ru
ORCID.ORG: 0000-0003-0232-7501

Леткина Наталия Владимировна, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат философских наук, доцент.
letkinanv@mail.ru
ORCID.ORG: 0000-0001-9406-0079

ABOUT THE AUTHORS

Polyakov Osip Egorovich, Professor of the Department of Mordovian Languages, N. P. Ogarev's Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St. 68/1), Doctor of Philological Sciences.
kafmoksha2012@rambler.ru
ORCID.ORG: 0000-0003-0232-7501

Letkina Natalia Vladimirovna, Associate Professor of the Department of English language for Professional Communication, N. P. Ogarev's Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St. 68/1), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.
letkinanv@mail.ru
ORCID.ORG: 0000-0001-9406-0079